

## Глава 116. Распускать руки

Ночь стояла тихая, такая тихая, что было слышно близкое сердцебиение и сбивчивое дыхание.

Цзян Тан всем телом врезался в объятия Фу Линцзюня. Щекой он прижался к его груди, ладонью упёрся ему в плечо. Сквозь одежду чувствовался жар, будто у того поднялась сильная температура, и от этого у Цзян Тана слабело всё тело.

Маленький осьминожек вмиг сварился: щёки вспыхнули алым, как заря, а кончики ушей покраснели так, будто вот-вот нальются кровью.

Да что за чёрт, почему этот человек опять распускает руки?!

С трудом приподняв голову из объятий Фу Линцзюня, Цзян Тан при этом невольно задел ещё кое-какие места, к которым прикасаться вовсе не следовало. Тут уж было не до стыда: он в панике попытался вырваться, но в следующий миг столкнулся взглядом с глазами Фу Линцзюня.

И в ту же секунду будто лишился воли.

В пляшущих сполохах грома и пламени тёмные, как тушь, глубокие глаза Фу Линцзюня постепенно налились странной алой дымкой. Этот красный цвет был похож то ли на кровь, то ли на прозрачный рубин и таил в себе пугающее, почти колдовское притяжение.

Стоило Цзян Тану встретиться с ним глазами, как в голове у него стало пусто, а все звуки вокруг разом исчезли. Мир будто сузился до него и мужчины перед собой, и это текучее алое сияние почему-то завораживало.

Он долго смотрел в эти глаза, прежде чем сознание понемногу к нему вернулось.

— Господин Юйань... — голос Цзян Тана неудержимо дрожал.

Он испугался стоявшего перед ним Фу Линцзюня.

С этими демонически алыми глазами тот был похож на злого духа, вырвавшегося из преисподней. Лицо у него было таким прекрасным, что могло околдовать любого, заманить за собой в ад и там сожрать без остатка. И ведь мгновение назад Цзян Тан уже поддался этому наваждению: ему не показались страшными эти бездушные глаза, он не почувствовал исходящего от Фу Линцзюня ужасающего давления, а наоборот, едва ли не сам хотел податься ему навстречу.

Что-то было не так. Очень не так!

Ледяное давление, подобное морскому валу, обрушилось на него и прокатилось по всему телу с головы до ног. И только тогда Цзян Тан запоздало понял: сейчас перед ним был вовсе не Фу Линцзюнь, не благородный и мягкий господин Юйань из этого мира, а кто-то совершенно ему незнакомый.

Цзян Тан с силой упёрся ладонями в плечи Фу Линцзюня, собираясь вскочить и бежать. Но талию его невесть когда уже стиснули. Фу Линцзюнь всего лишь протянул руку, снова притянул его к себе, а потом перевернулся и прижал хрупкого юношу под собой.

Из-за огромной разницы в росте нависшее сверху тело накрыло Цзян Тана целиком, не оставив ни малейшей лазейки.

В этих странных алых глазах плясали гром и огонь, а сам взгляд неотрывно упирался в добычу перед собой.

— Г-господин Юйань...

Цзян Тана прижало так, что он не мог пошевелиться. Обеими руками он изо всех сил упёрся Фу Линцзюню в грудь, но тот одной рукой перехватил его запястья и завёл их ему над головой.

В таком двусмысленном положении он почти каждой клеточкой ощущал тугие мышцы нависшего над ним тела, всю крепость их соприкосновения. Но как бы Цзян Тан ни был падок на красивых мужчин, сейчас ему было совсем не до того: хотелось только оттолкнуть его и броситься наутёк.

— Больно...

Сперва ему просто до боли стиснули запястья.

Силы у Фу Линцзюня и раньше были пугающие. Обычно он всё же берёт Цзян Тана и всякий раз боялся нажать лишнего. Но теперь он всё забыл. Стоило ему безо всякой пощады сомкнуть пальцы на этих тонких белых запястьях, как на коже тут же проступили чёткие следы.

Мягкий, лёгкий голос юноши прозвучал для Фу Линцзюня как искра. Жар внутри тут же превратился в яростную жажду. В груди вспыхнула звериная свирепость, которую уже нельзя было сдержать, и мгновенно спалила остатки рассудка.

Недостаточно. Всё это было недостаточно. Он сам не понимал, насколько глубока эта жажда и какого именно утешения ищет. Знал только одно: от юноши под ним исходил запах, от которого хотелось проглотить его целиком.

В суматохе борьбы ворот у Цзян Тана слегка распахнулся, обнажив безупречно белую, словно фарфор, кожу и чуть влажную от пота шею.

Хрупкую, длинную, красивую.

Будто её можно было переломить одним движением.

От взгляда Фу Линцзюня Цзян Тану стало по-настоящему страшно. Он втянул шею, пытаясь увернуться, но руки были крепко перехвачены, тело не слушалось, и ему оставалось только беспомощно смотреть, как Фу Линцзюнь склоняется ниже и утыкается лицом в его шею.

Тёплые губы приоткрылись, острые зубы впились в кожу.

В следующий миг шею пронзила резкая боль.

Цзян Тан распахнул глаза:

— Фу Линцзюнь!

Он что, собака, что ли? Сразу кусаться начал?!

Да как он вообще смеет!

— Я вообще-то твой парень! — перепуганно и сердито выругался Цзян Тан по-китайски. — Немедленно отпусти!

Фу Линцзюнь будто ничего не слышал. Стоило ему впиться в эту мягкую тёплую кожу, как поднявшаяся в нём свирепость стала только сильнее. Почти обезумев, он терзал юношу под собой. На красивой шее уже была прокушена кожа, и в воздухе понемногу разливался запах крови.

— А ну отпусти меня, если сможешь! — это тело и без того было нежным до невозможности, а стоило обойтись с ним грубо, как болело уже всё: и руки, и шея, и вообще всё тело. От боли Цзян Тан ещё больше распалился. — Вот очнёшься... вот очнёшься... у-у-у, я тебя точно изобью!

Но ругань не помогала. А уж такая мягкая, всхлипывающая ругань — тем более.

Угрозы Цзян Тана явно ни капли не повлияли на Фу Линцзюня. Напротив, тот отпустил лишь тот участок кожи, который уже успел слишком сильно замучить, и тут же вцепился в другой.

Это было слишком больно. Цзян Тан уже не выдерживал.

Не сумев отбиться руганью, несчастный щеночек обиженно разрыдался. Он плакал навзрыд,

захлёбываясь, до красноты в уголках глаз, до слёз по всему лицу. Крупные капли одна за другой срывались вниз и мочили даже шею.

Наверное, он плакал слишком громко и слишком жалобно, потому что Фу Линцзюнь, терзавший его шею, вдруг замер.

Кровь была сладкой на вкус.

Но в этой сладости невесть откуда уже проступила другая нота — чуть горькая и солоноватая.

— У-у-у... Фу Линцзюнь, да ты собака... — Цзян Тан плакал так, что всё вокруг расплывалось, и от боли его мысли окончательно пошли вразнос. Он даже снова мысленно принялся добивать Цзян Чанъюаня.

Если бы тот подло не устроил всё это, разве застряли бы они в зеркальном мире цветов и луны? Его и того, что меч Шифо понемногу пожрал его, было мало. Цзян Тану даже захотелось вернуться и ещё раз проткнуть его мечом десятков, а то и два десятка раз.

Нет, не годится. То тело ведь и не было телом самого Цзян Чанъюаня. Вон в каком виде оно уже сгнило — и без того жалкое зрелище.

Под этой нестерпимой болью мысли Цзян Тана уже поползли совсем в сторону. Даже вспомнился режим стопроцентной боли в VR-играх. Вот это, значит, и есть тот самый зеркальный мир цветов и луны, который способен удержать самого большого босса. Да уж, штука и правда жуткая.

Фу Линцзюнь, которого только что обозвали собакой, медленно поднял голову от его шеи.

Свирепости в этих алых глазах заметно поубавилось. На её место пришли растерянность и какая-то детская непонимающая пустота.

Он придвинулся ближе и принялся к лицу Цзян Тана, словно пытался узнать его по запаху.

Но Цзян Тан был слишком занят собственными слезами, чтобы обращать внимание на этого большого пса, который лез к нему. Сейчас ему казалось, что Фу Линцзюня можно просто взять и выбросить на помойку. Посмел так издеваться над собственным парнем — всё, с сегодняшнего дня у Фу Линцзюня больше нет парня! Нет, слышишь?!

Но Фу Линцзюнь этого, конечно, не слышал.

Он продолжал вдыхать запах Цзян Тана, будто совсем ничего не видел и мог различать всё только носом. Привычный лёгкий сладковатый аромат юноши стал теперь намного гуще и

смешался с кровью.

Он снова приблизился, втянул воздух и опустил голову, чтобы слизнуть кровь с ранки на его шее.

Цзян Тан в ту же секунду перестал рыдать.

Тёплое, влажное, удивительно мягкое прикосновение отозвалось у шеи, и помимо боли он вдруг почувствовал ещё что-то, чему сам не мог подобрать названия.

— Мм...

Оно не осталось только на шее: задержалось и на ключицах, и на покрасневшихся кончиках ушей, а потом медленно поползло выше. Мягкие губы по очереди касались заплаканных щёк, пока наконец не остановились у его глаз.

Ресницы, отяжелевшие от слёз, дрогнули, а покрасневшие уголки глаз раз за разом принимали на себя эти поцелуи.

— Ты... ты что делаешь... — Цзян Тан был уже на грани безумия.

Только что он грыз его, будто обезумевший злой дух, намеренный разорвать его на части. А теперь вдруг вот так... так близко...

Он слизал с него слёзы. Тёплое прикосновение медленно скользнуло вниз по прямой тонкой переносице, дыхание стало ещё ближе.

В алых глазах давно не осталось ни свирепости, ни ярости. В них осталась только инстинктивная привязанность.

Распущенные чёрные волосы, алые глаза, мертвенно-бледное лицо. Фу Линцзюнь был прекрасен так, что в нём одновременно чудились и демон, и призрак. И когда он смотрел на него вот так прямо, Цзян Тану казалось, что он вновь попал под чары.

Только теперь эти чары не были навязаны ему силой.

Теперь он сам, всей душой, шёл к нему навстречу.

— Фу Линцзюнь... — тихо позвал он. Длинные ресницы дрогнули, словно робкие крылья бабочки.

Дыхание, замершее у кончика его носа, скользнуло ниже и накрыло его губы.

Без колебаний, без малейшей осторожной пробы оно открыто вторглось в его мир.

Это был сладкий мир, наполненный цветочным ароматом. Мечущаяся душа, едва переступив его порог, оказалась в объятиях этого мягкого и хрупкого мира.

Фу Линцзюнь не смог удержаться и захотел разделить с ним всё, что было в том мире.

И мир не отверг его. Он мягко и сладко отвечал ему.

Как рыба, наконец вернувшаяся в воду, они смешивали чувства друг друга, будто делились припрятанным вином.

Запах нового снега окутал Цзян Тана.

Это был запах Фу Линцзюня: снег лежал в его волосах, на одежде, в дыхании — и во всём мире Цзян Тана.

Холодный, тонкий, как летящий с гор снег, он наконец лёг ему на кончики пальцев и медленно растаял в воду.

Они снова и снова льнули друг к другу.

Тёрлись виском о висок.

Будто самые обычные, самые близкие влюблённые, они молча обнимались среди беспредельного грома и пламени, передавая друг другу огонь, что пылал в самой глубине сердца.

\* \* \*

От налетевшего ветра цветущие деревья на заднем склоне зашелестели разом и осыпали воздух бесчисленными лепестками. Стайка изумрудно-зелёных птиц, щебеча, пронеслась мимо окна и расселась на ветвях, усыпанных цветами.

Когда Цзян Тан проснулся под непрерывное птичье стрекотание, первое, что он почувствовал, — всё тело у него как-то очень подозрительно ломит.

Щёки ныли, и даже за ушами тянуло и распирало. Запястья болели так, что руки было трудно поднять, шея горела огнём. В общем, плохо было абсолютно везде.

Как будто его кто-то хорошенько избил.

Погодите-ка. Его ведь и правда избili.

Его избил собственный парень!

Цзян Тан резко распахнул глаза и тут же встретился с парой ярких, пронзительно живых глаз. От испуга он с визгом скатился с кровати на пол.

Враг не двигается — и он не двигается. Один сидел на кровати, другой на полу, и оба смотрели друг на друга с крайне странными лицами.

В голове у Цзян Тана уже роились сплошные мысленные реплики. Он понятия не имел, в каком сейчас состоянии Фу Линцзюнь и сколько тот помнит из вчерашней ночи. Или, может, у него и вправду есть такая «добродетель»: всякий раз на грани смерти начинать распускать руки, а после благополучно всё забывать?

Но эта немая сцена длилась недолго.

Сегодня был уже седьмой день. Глава секты Хуаньюнь Му Фаньюань до сих пор не нашёл подходящей ядовитой травы. Если и после последней пилюли Небесного Восполнения такого растения не отыщется, то тут уже и сам святой медицины будет бессилён.

Фу Юэбай пришёл вместе с Му Фаньюанем.

После пилюли Небесного Восполнения в теле Фу Линцзюня срабатывала сильнейшая защитная реакция: бесконечные гром и пламя приходили в буйство и нападали на всё, что пыталось приблизиться.

Лишь кровные родичи могли ненадолго подойти ближе и скормить ему последнюю пилюлю Небесного Восполнения.

Скрип.

Дверь в зал распахнулась.

Цзян Тан всё ещё сидел на полу и во все глаза смотрел на Фу Линцзюня, когда услышал за спиной звук открывающейся двери. У него тут же дыбом встали все волоски, и стало ещё страшнее.

— Шэн-эр?

Ни громового пламени, заполнившего весь зал, ни бесчувственного сына Фу Юэбай не увидел. Перед ним была только тихая спальня и Фу Линцзюнь, сидевший у кровати с лицом блее бумаги.

Потом он перевёл взгляд на Цзян Тана.

— Ч-что здесь вообще произошло?

Фу Линцзюнь кашлянул пару раз, и его и без того бледное лицо сразу приобрело ту хрупкость, которая бывает у человека на пределе сил.

— Кхе-кхе...

Он прикрыл губы рукой, будто смертельно устал, и лишь спустя долгую паузу слабым голосом произнёс:

— Отец, это я велел ему войти и прислуживать мне.

<http://bllate.org/book/17032/1723102>